

СЕРГЕЙ ЮРЧЕНКО

ФЕНЕЧКА

ЦИКЛ РАССКАЗОВ

Сергей Юрченко
Фенечка. Цикл рассказов

«Издательские решения»

Юрченко С.

Фенечка. Цикл рассказов / С. Юрченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904631-4

В этой книге показана жизнь глазами потерянных людей. Весь беспорядок в их головах, в их мыслях, в их переживаниях и действиях. Здесь описаны личности, которых принято называть отличающимися. Или попросту «Сумасшедшими»... Хотя все, чего они хотели — это жить.

ISBN 978-5-44-904631-4

© Юрченко С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Фенечка	7
Часть первая	7
13 Апреля 1994 года	11
27 Апреля 1994 года	11
5 Мая 1994 года	11
13 Мая 1994 года	12
Часть вторая	13
Часть третья	19
19 Ноября 1989 года	21
25 Декабря 1989 года	22
26 Декабря 1989 года	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Фенечка

Цикл рассказов

Сергей Юрченко

Дизайнер обложки Сергей Юрченко

© Сергей Юрченко, 2018

© Сергей Юрченко, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-4631-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Теоретически это возможно. Всплывая вверх, взбираясь на поверхность, как на вершину, которую никогда не покорял, словно преодолевая себя, забываешь, что же на дне.

Глядя на себя в зеркале, глядя на свой костюм и туфли, забываешь, в чем ходит твой ребенок.

И если сегодня мы не умрем, мы обречем новую жизнь. Если завтра мы выживем, мы обречем новую смерть.

Именно так и звучат строки правды. Правды зыбкой, правды жестокой и настоящей. Готов ли я был принять ее? Готов ли был понять ее? Нет, скорее, нет. В бреду видятся вещие сны, а в реальности – сны прошлого. И если бы я мог все изменить, я бы ничего не менял.

Мы сопровождаем воспоминания о юности яркими тонами. Мы тоскуем о тех счастливых деньках, когда для счастья-то ничего и не надо было.

Я говорю про себя.

Но среди нас находились и те, которые всем сердцем желали бы забыть это прошлое. Мертвые внутри, они не пытались казаться живыми снаружи. У них не было цели, у них была лишь их голова, их мыслительная коробка. И кто знает, может, им открылось гораздо больше тайн, чем нам?

Ясность бесов порождает мрак.

Теоретически это возможно. Возможно то, что можно умереть внутри. Душа бессмертна, но мысли. Мысли определяют эту душу. Вера определяет эту душу. Надежда, любовь, сострадание – все чувства добродетели, они, как раз-таки, иссохли. Теперь это не то, что отличает нас от животных. Теперь это то, что отличает нас от современников.

И если мысли уже «по ту сторону», и если веры уже нет, а чувства добродетели угасли, то, быть может, и человек – тоже?

Ясность ангелов порождает хаос.

Мы верили в себя и верили в того, кем хотели стать. Все детство. И теперь мы пожинаем плоды наших иллюзий. Нас не научили верить в себя, нас научили ненавидеть себя. В нас тыкали пальцами, нас пугали пустыми угрозами, нас съедали презренными глазами.

И теперь мы свободны. Теперь все позади, теперь мы можем, наконец, забыться. У нас появился крохотный кусочек власти. Но и этого достаточно, чтобы почувствовать себя свободными. Свободными настолько, чтобы другие подумали: «Сумасшедшие...».

Фенечка

Часть первая

Рон находился в своей комнате, сидел на кресле и щелкал каналы на телевизоре, когда в дверь его квартиры позвонили.

– Я открою! – крикнул он жене и подошел к двери. Через глазок он увидел там двух человек в полицейской форме. Из рук вывалились ключи, но Рон не торопился их поднимать. Он смотрел в глазок, словно пытаясь узнать лица полицейских. Еще один звонок в дверь привел его в себя.

– Чем могу? – спросил Рон.

– У нас есть к вам несколько вопросов, – сказал один, выглядывая из-за двери.

Рональд подозрительно посмотрел на людей в наряде и сухо произнес:

– Пройдемте в комнату, поговорим там.

Они расселись в гостиной, напротив телевизора, который квартирант тут же выключил, лишь добравшись до пульта.

– Недалеко отсюда сгорела психбольница, – начал один из них, – и мы думаем, что вы можете что-то знать.

Рон охнул, округлив глаза.

– Я... даже и не знаю, что сказать...

– Просто ответьте на наши вопросы, хорошо?

Рон кивнул.

– Ваша фамилия Троицкий? – спросил второй, достав блокнот.

– Да, это моя фамилия, – ответил он тихо. – Вы подозреваете кого-то из моих родных?

– Не знаем точно, но вы знаете, что в этой лечебнице покоится ваш родственник? Вам говорит о чем-нибудь имя Анна? – спросил полицейский.

– Н-нет, не уверен, – задумчиво ответил Рон.

– Уверены? Может, первая любовь или стерва, разбившая вам сердце? – спросил язвительно второй.

Рональд недоуменно поглядел на него.

– А что насчет родителей? – вмешался первый. – Вы можете помочь нам связаться с ними?

– Мать умерла, когда я был еще ребенком. А отец... Кажется, он в городе.

– Даже так? Не подскажите адрес, пожалуйста?

– Я не уверен, но, быть может, он еще живет на Брестской 33г, – тихо говорил Рон.

– А что насчет других родственников? Сестры, братья, или, может... а как звали вашу маму?

Рон поник головой, пытаясь вспомнить. На секунду он оторвался от реальности и проник в чертоги своей памяти, но тщетно. Внезапно для себя, Рональд осознал, что его одолел приступ амнезии.

– Я не помню, – грустно ответил хозяин квартиры. – Не помню имя родной матери...

Полицейские с сожалением похлопали Рональда по плечу. Он мог вспомнить какие-то короткие отрывки, проведенные с матерью и отцом, но на них не было даже лиц родителей. Ему сразу почудилось, что в комнате невыносимо жарко.

– Что ж, во всяком случае, вы нам помогли. За это спасибо, – сказал человек в форме.

– Может, вам обратиться к доктору? – порекомендовал второй, выходя в коридор.

– Я... да, я схожу... Пожалуй, это будет разумно. Я надеюсь, я смог помочь.

– Да, смогли, – улыбнулся мужчина в форме и вышел из квартиры.

Рональд проводил полицейских и снова уселся на свое прежнее место, но на этот раз телевизор был выключен.

– Все в порядке, дорогой? – спросила его жена, заглянув в комнату.

– Мама... Мама... – повторял он, словно сумасшедший. – Что случилось? Как ее звали?.. Забавно – я помню, что она мертва, но не помню ее имени. И даже лица. Анна... Быть может... Нужно ехать к отцу. Он должен знать.

Быстро накинув на себя черный тонкий балахон, он выбежал на улицу и направился в сторону Брестской 33г. Идти предстояло, по меньшей мере, полчаса, потому он зарылся взглядом под ноги и ловил глазами каждую падающую снежинку.

Как раз была зима, отличная погода, все в преддверии праздников и отпусков. Рон настолько торопился, что люди, которые раньше казались ему чрезвычайно торопливыми, сейчас кажутся ему чрезвычайно медленными, словно на прогулке. От этого ему становилось лишь еще более тошно находиться на улице среди людей. И эти странные косые взгляды. Когда это он начал их замечать? С каких вдруг пор ему это стало неприятно, а то и более, кажется угрожающим?

Рон подошел к дому, поднялся на этаж и позвонил в дверь, но никто не открыл. Он позвонил еще, затем еще и еще – ничего. Тогда он уселся на лестницу рядом с дверью и уткнулся виском в стену.

– Анна... мама... Неужели мою мать звали Анной? Нет, никаких ассоциаций, никаких ностальгических чувств это имя не вызывает. Разве что... Нечто странное, словно... Словно я снова стал ребенком. И мамочке нужно меня прижать, мамочке нужно меня пожалеть. Что это? Мамочке нужно...

Перед глазами начали то появляться, то снова пропадать какие-то картинки из воспоминаний, где он был еще маленьким. Но они были настолько нечеткими, настолько мимолетными и непонятными, что Рон никак не мог уловить их, разглядеть получше. Но вдруг озарение!

– Это моя мать! – закричал он вдруг на весь подъезд, что даже сам испугался своего ответного эха. – Но как же так, ведь отец сказал... Ох... – Рон расплакался прямо под дверью.

Вдруг она открылась, и из нее показалось старое опухшее лицо, заросшее черной бородой и черными волосами на голове. Из волосы выглядывали маленькие черные глазенки, и хриплый низкий голос произнес:

– Заходи.

Рон стер накопившиеся на лице слезы, ловко встал и забежал в квартиру.

В прихожей на полу были разбросано несколько пар старых, грязных и разорванных башмаков. Вешалка на стене оказалась сломанной, так что Рональду пришлось остаться в балахоне. Грязь, казалось, обрела единение со старым белым кафельным полом. Разводы от чего-то темного разукрашивали плитку от прихожей до кухни, местами меняя свой оттенок. Из кладовки тянуло пронзительной вонью; Рональду в какой-то момент даже показалось, что там лежит прогнивший труп какого-то животного.

– К тебе они уже приходили? – заговорил старик.

– Что тебе об этом известно? – оглядевшись, спросил Рон.

– Только то, что у той полоумной наша фамилия. Не больше, – ответил старик и запрокинул в себя стопку «белой березки». – Теска с сумасшедшей, подумать только!

С трудом держась на ногах, старик засмеялся охрипшим голосом. Его черная от грязи борода подскакивала от каждого его вздоха. Когда он, наконец, обессилел смеяться, он тут же рухнул мешком на свой диван, который с ужасным скрипом принял хозяина.

– Что случилось с моей матерью, отец? – с накопившейся злостью от одного лишь его вида спросил Рон.

– Авиакатастрофа, Рональд, я тебе рассказывал. Тяжко было всем. Всем!

– Ложь! Полицейские сказали, что она была в психушке, когда случился пожар.

Отец поднял свои маленькие стеклянные глазенки и прошептал:

– Этого не может быть, сынок. Она мертва.

Старик простер руки к Рону, словно тот стоял точно перед ним.

– Врешь... – обронил Рон. – Как тебе верить? Ты сидишь здесь уже несколько месяцев. Не просыхаешь. Только пьешь! Ничтожество! Как верить твоему слову, если ты не узнаешь себя в зеркале?! Ты разрушил жизнь моей матери, пытался разрушить мою жизнь! Кто ты вообще? Никто. Знай это! – с этими словами Рон вышел из квартиры и со слезами на глазах и трясущимися руками спустился по лестнице на улицу.

Выйдя на улицу, он набрал полную грудь воздуха и со свистом выдохнул. Затем развернулся в сторону окна, откуда на него смотрел старик жалкими глазами. Рон попытался выразить весь гнев в своем взгляде, всю ярость, копившуюся годами. Он помнил. Он помнил все, что принес в его жизнь этот старик. От мелких повседневных криков на мать, до побоев и групповых попок, когда несколько человек строили всех в квартире, а маленькому Рону оставалось лишь тихо сидеть под столом, прячась от всех. Он уже тогда представлял всяческие планы мести отцу, но знал, что они неосуществимы. С годами, после смерти матери, Рон потихоньку начал осваиваться в жизни, стал гораздо сильнее и крепче духом, справлялся со всеми трудностями, что его окружали. По крайней мере, он так считал. И вот жизнь снова встретила его с отцом, но теперь он не позволит его обмануть. Теперь старик будет играть по его правилам.

Задумчиво отвернувшись, Рон побрел в сторону дома, все рассуждая по пути. Какая могла случиться авиакатастрофа, если, как ему казалось, его мать боялась полетов на самолетах? Да и причин на ее отлет явных не было. Или были? Насколько помнит ее, она всегда была спокойна и была рядом. Но там был кто-то еще, помимо Рона, мамы и отца. Кто-то четвертый, которого все никак не мог вспомнить Рон. Кто же это был? Все время мельтешил, все время терся около матери, но почему-то именно он выпал из памяти. Почему? И какую роль он играл для них? Все зашло в тупик. Слишком мало помнится, отчего Рону становилось лишь грустно. Как увидеть то, чего нет?

Тем временем, он уже добрался до своего подъезда. Рон в полном замешательстве посмотрел на дом снизу и застыл. Если его мать действительно жива, и она находится сейчас в больнице, значит, он должен к ней прийти. Он обязан сделать это. Но для начала нужно убедиться в этом и узнать, врет ли снова его отец.

Оказавшись в квартире, Рон тут же сел за компьютерный стол. Перед глазами замелькали картинки, тексты, горы рекламы и прочей ерунды, которая его только раздражала. А цель была одна: разузнать из газет девяностых про эту проклятую авиакатастрофу. Но ничего. Прошел час, затем второй. Картинки сменялись текстами, тексты – другими картинками, но ничего про падение самолета или какое-то событие. В полном замешательстве, он схватился за волосы и хотел было со всей силы закричать, как вдруг теплые, нежные руки обняли его со спины.

– Жень... – прошептал Рон, прижимаясь щекой к её запястью. – Я запутался.

– Ложись спать, дорогой, – она робко поцеловала его в губы и посмотрела прямо в глаза. Она знала, как убедить своего мужа. У нее это получалось виртуозно: одним лишь взглядом. И в этот раз он сработал, Рон устало улыбнулся, закрыл ноутбук и, снова поцеловав Женю, направился в сторону спальни.

– Завтра пойду в больницу, – сказал он, дождаввшись жену в кровати.

– Отдохни от этого, Рональд, – ответила Женя. – Ты лишь угнетаешь и теряешь себя.

– Я должен знать, жива ли моя мать.

– Сколько ты не видел ее? Сколько ты ничего не слышал о ней? – нежно заговорила Женя. – За столько лет она могла бы показаться тебе, будь она жива.

– Ты не понимаешь. Она в психушке, отец ее упрятал туда. Оттуда никак невозможно связаться с внешним миром.

– Твой отец не такой садист, Рональд.

– Я не все тебе рассказал про него, – Рональд отвел тяжелый взгляд.

Женя уставилась на него своим коронным взглядом, и Рон не смог долго сдерживаться.

– Мне было пять тогда. У нас была кошка, которую любили все в доме, даже он сам. И вот одним поздним вечером, когда он вновь с трудом доковылял до квартиры, будучи ужасно пьяным, он вновь разбушевался, как это обычно бывало. Мать с криками пыталась его успокоить, чтобы не навредил никому. Она боялась, мне кажется, больше за меня, нежели чем еще за кого-то. А я как раз уже лежал в кровати, спрятался под одеялом и тихонько дрожал, в надежде, что скоро все закончится. Я услышал приглушенный удар и визг матери, затем еще один и голос отца: «Дрянь! Да как ты можешь так поступать!». После этого какой-то треск и кошачье «Мя». Утром они сказали, что Васька убежала из дома, хотя до сих пор не выветрился из головы этот последний кошачий вопль, – Рон притих, повернувшись спиной к жене, и закрыл глаза.

Женя изумленно таращилась на него. У нее не было слов, его отец действительно садист, а мама все время его терпела. Ей неистово стало жалко своего мужа, но что она сможет теперь для него сделать? Это лишь его прошлое, оно в прошлом, его не изменить. Разве что, утихомирить ту ярость, бушевавшую в душе Рона к отцу, которую он со дня на день вырвет наружу и совершит какую-то глупость. Она обязана его сберечь от этого.

Подведя для себя свой итог из этого, Женя выключила свет и улеглась на край кровати, стараясь очень тихо дышать, чтобы не потревожить сон Рона.

Утром Рональд проснулся еще до будильника. За окном еще было темно, как он начал одеваться.

– Даже не позавтракаешь? – спросила Женя, протирая глаза.

– По пути заскочу куда-нибудь, – впопыхах ответил Рон и вышел из дома.

Действительно ли обманул его отец? Раньше его не посещала эта мысль, он был уверен в этом. Но сутра что-то напомнило ему о том, что отец его был не таким уж плохим. Когда-то, только придя домой, он собрал всю семью и повел их на горки, затем в кино и под конец в кафе. Замечательный был день. Рон невольно улыбнулся, смотря в окно в транспорте. Но там, в воспоминаниях, также был еще кто-то. Его ровесник, в памяти являющийся лишь силуэтом, вечно терся рядом с мамой и папой. Иногда Рону казалось, что его не замечают из-за этого силуэта. Неужели он значит для них больше, чем их единственный сын? Что-то было не так, что-то Рон никак не мог вспомнить, какую-то важную часть мозаики, без которой не получилась бы никакая фигура. И от этого ему стало тяжело и невыносимо на душе. Он тоскливо опустил голову и замер. Как найти ответ на вопрос, хранящийся только в твоей голове, где-то там, где ты сам не можешь его найти?

– Вы к кому? – спросила женщина в белом халате за столом у выхода из больницы.

– Анна Троцкин, – сказал твердо Рон, глядя на двери лифта.

– Минуту.

Медсестра опустила голову на список пациентов и повела по нему пальцем. От любого бездейственного ожидания у Рона рождалось все больше вопросов. А от нетерпения увидеть свою мать тряслись колени, и билось сердце. Как она отреагирует, когда увидит своего сына спустя столько лет? Как ему самому реагировать на нее, она ведь, по сути, бросила его. Кричать и злиться на нее? Или обнять и принять? «Как увижу ее, сразу решу, что делать,» – сказал Рон сам себе.

– Троцкин Анна Михайловна, – произнесла чуть торжественно медсестра. – 305 палата. Третий этаж.

Рон кивнул и побежал к лифту.

Коридоры, коридоры, коридоры. Бесконечные коридоры и повсюду больные в белых халатах. Для пострадавших в пожаре той лечебницы выделили специальный этаж, потому присутствующие здесь странно вели себя и пялились на Рона. Их пустые взгляды лишь пугали

его, навязывали какое-то сильно знакомое чувство, будто он уже где-то это видел. Непонятно почему, но Рон почувствовал себя словно в клетке, запертый, как мышонок в лаборатории. От этого ему стало жутко некомфортно, еще и лица вокруг, и не отрывающиеся взгляды. Он почувствовал, что вот-вот сойдет с ума, как вдруг перед его носом всплыла прикрытая дверь с номером «305».

Рон медленно открыл ее. Увиденное поразило его: на койке лежал перемотанный с ног до головы пациент. У него не было даже возможности пошевелиться. Единственный признак жизни – это тихий стон от боли. Рон тяжело вздохнул. Он надеялся увидеть ее лицо, снова вспомнить, как она выглядела, увидеть ее добрую, теплую, нежную улыбку и мудрые любящие глаза. Все его планы и мечты вмиг разрушились. Его ноги подкосились, и он приземлился на рядом стоящий стул. На глаза набежали слезы, все тело начало трясти. А вдруг это не она? Вдруг отец действительно прав? Рону внезапно захотелось завопить на весь этаж, начать крушить всю технику в палате, бить стекла и рвать волосы на голове. И как только он еще держится? Челюсть забилась, ладони невольно сжались в кулаки. По щекам уже давно скользили слезы; он сверлил гневным взглядом перемотанного пациента и все пытался вспомнить, но что-то ему мешало. Гнев ли это? Или выплеск накопившейся тайной ярости? Голову его заполнили странные картинки из памяти, где он ссорится с матерью или отцом, будучи уже подростком; дело доходит чуть ли не до драки, и Рон уходит из дома. Но это уже не первый его уход от родителей, и далеко не последний. Родители не любили его, а почему? Он был прилежным учеником в школе, был отличным сыном отцу и матери, откуда бралась эта ненависть? Кисти Рона задрожали. Он пытался найти ответы в памяти, но не мог. Он кричал, бился в истерике в том беспорядке, что царил в его голове, но без толку.

Внезапно взгляд Рона упал на тумбочку рядом с койкой пациента. Он невольно встал, словно не контролировал свое тело, открыл верхний ящик и обнаружил там потрепанную тетрадь с надписью на обложке: «Дневник Анны». Руки Рона сами раскрыли эту тетрадь и открыли случайную страницу.

13 Апреля 1994 года

Мама оставила мне средства на проживание и содержание сына. Мы с ним отлично уживаемся, правда, время от времени отец не доволен моей работой матери. Я заменяю ему ее, ведь её часто нет. Я пытаюсь угодить отцу, но не получается. Мне становится страшно.

27 Апреля 1994 года

Мы заканчиваем с нашим проектом с мамой и сыном. Он совсем разбушевался, недавно разбросал все игрушки и забился в угол. Я прижала его к себе, как собственного сына, и утешала еще несколько часов. А затем отец пришел к нам и снова все испортил. Как обычно. Ненавижу его.

5 Мая 1994 года

Не делай этого, Анна. Сара еще не готова, она не совсем понимает нас. Этот дневник лишь подчеркивает нас, как личностей. Он показывает, насколько мы умны и хитры, что можем сделать что угодно и даже любимому сыночку. Но за ним нужно ухаживать, Анна! Иначе отец снова разозлится и будет снова больно, как это было еще до этого. Разве ты не помнишь? Несколько лет назад, как только появился наш сынок. Мы – его матери, мы – должны ухаживать за ним, что бы нам этого не стоило.

13 Мая 1994 года

Он снова бушует! Да что же он такой неугомонный! Не дай Бог появится отец и увидит его. Какой кошмар!

Черт! Он пришел неожиданно! Ох... я защитила его, но досталось обоим. Мама снова ушла, не знаю насколько. Знаю лишь одно, нужно охранять сыночка, держать его ближе к себе, иначе отец убьет его.

Рон почему-то резко вспомнил момент, когда мама прижимала его к себе, будучи еще совсем в детстве. Правда, момент этот был совсем расплывчатым, но что-то можно было выявить. Например, то, что он был уверен, что никакой тринадцатилетней девкой там и не пахло. Хотя постойте... может, Анна и не мать вовсе?

Рон вытаращился на перемотанного пациента, стонущего от боли и сжал в руке тетрадь.

Конец первой части

Часть вторая

Рон пришел домой и уселся на кровать рядом с Женей, бросив тетрадь перед ней.

– Читай, – сказал он сухо. На глазах его были слезы.

Женя изумленно вытаращилась на него, затем посмотрела на рукопись перед собой и начала читать:

– Сегодня я отправляюсь на лечение. Говорят, мне это поможет, но от чего? Я не понимаю, я совершенно здорова. Везде люди ищут лазейки, чтобы выделить особенных людей, чтобы их унизить перед всеми, ведь они не такие. Для некоторых это даже смысл жизни. Забавно, как меняется человек, когда дело доходит до людей ниже их самих по тем или иным признакам.

Мне действительно становится легче, даже если я этого не замечаю. По крайней мере, мне так говорят. Несколько лет хождения к психотерапевту не дали особых результатов, папа будет недоволен этими новостями. Хотя какое ему дело, у него уже давно своя жизнь на дне бутылки. Зато теперь я стану нормальной, такой, какой хотела видеть меня мама.

Думаете, я желала этого? Думаете, я хотела, чтобы она появилась в моей жизни? Вы вечно строите свои теории о том, как правильно жить, навязываете свой смысл жизни. Каждый из вас подстраивает под себя. Думаете, вы даете советы по своей доброте? Нет, вы лишь ставите себя выше других и только! «У него такие проблемы, хорошо, что это происходит не в моей жизни». Питаетесь этим, а затем, когда сосуд исчерпан и питаться нечем, вы уходите, кидаете, бросаете. Вам важна лишь своя выгода. На подсознательном уровне вы всегда ищете место, где бы подкрепиться.

Я изменилась за последние годы. Думаете, я хотела, чтобы она была со мной? Да, вы правы, только этого мне и не хватало. Все мы психи, ты даже не заметишь психа рядом с собой. Быть может, это один из твоих друзей, откуда тебе знать, что твое окружение состоит из адекватных, уравновешенных людей? Но она не такая, нет. Она истинная, она подлинная, она – это я. И мы вместе.

Это моя последняя запись. Я ухожу, будучи счастливой, потому что я не одна.

2005 год, – закончила читать Женя.

– Что это значит? – спросила она, придя в себя.

Но Рон лишь мотал головой и вторил:

– Не понимаю...

– Слова какого-то...

– Безумца! – перебил ее Рон. – Анна безумна, невменяема. Но она единственная, кто помнит мое прошлое, кто знает меня с детства, она единственный оставшийся мне близкий человек. Я не знаю, что делать...

– Ты когда-то давно говорил про своего дедушку... – начала Женя.

– Дедушку?!

– Да. Кажется, Савелий?

– Савелий? Савелий... – повторил Рон, глядя в пустоту. – Точно! Как я мог забыть про него? Он же жил с нами. Ты просто гений, – он поцеловал жену и направился к выходу.

– Будь осторожен, – сказала она ему вслед.

Рональд мигом выбежал на улицу, но вдруг встал, уставившись на детскую площадку. А куда идти? Где искать деда? Он не помнил. Прохожие подозрительно косились на него, но он не замечал их. Рон пытался вспомнить, всеми силами старался подчинить себе свою память, но никак не мог овладеть ею. Внезапно один из прохожих толкнул его плечом, и он будто пришел в себя. Дабы не вызывать подозрений, Рональд втиснулся в поток людей и пошел за толпой. И откуда здесь столько народу?

Рон шел ужасно долго, но не чувствовал усталости. Он был погружен в утекшие воспоминания, пытался вернуть их. Но вдруг в кармане его зазвонил телефон. Он брал с собой мобильник? Достав сотовый, Рон посмотрел в экран: входящий вызов от мамы. Рон обомлел, в глотке пересохло, руки затряслись, ноги внезапно ощутили всю накопившуюся усталость, дьявольскими ударами заколотилось сердце. Настолько же неожиданно звонок прервался.

– Нет, нет, нет, нет! – завопил Рон, и тут же ему вспомнился момент из детства.

Он еще ребенок, он сидит в своем углу и тихо играет. Сестра с мамой сидят на кухне и о чем-то разговаривают. Но вдруг юный Рональд начинает нервничать, разбрасывать игрушки и реветь. Мальчик потерял своего любимого солдатика, которым всегда играл, и никак не мог найти его. На шум прибежала Анна.

– Что такое, малыш? – спросила она, подбирая улетевшую машинку.

– Солдатик! Потерялся, – с досадой сказал мальчик.

– Ох, Рональд. – Анна подняла брата и усадила на диван рядом с собой. – Пойми, гневом ты не добьешься многого. Эмоции мешают добиться цели, Рональд, потому их стоит контролировать.

– Как я могу контролировать их, когда пропал мой любимый солдатик? Ты не понимаешь.

– Это проще, чем ты думаешь, – Анна улыбнулась. – Просто порой нужно взять перерыв, успокоиться и продолжить начатое. Ты со мной согласен?

Рон пожал плечами.

– Давай соберем игрушки, а там, глядишь, и бойца твоего найдем, – Аня принялась собирать разбросанные вещи по комнате, а мальчик все сидел и глазами пытался найти свою цель. Дверь в квартиру внезапно захлопнулась.

– Это мама? – спросил Рональд.

– Да. Ушла. Снова... – прошептала Анна. – Нужно скорее все собрать, пока не пришел папа. Рон, за дело!

Мальчик словно опомнился, его тоска тут же пропала, и он в спешке принялся помогать сестре. Слишком много вещей было разбросано по комнате, они все не кончались. Вдруг дверь в квартиру снова загремела.

– Рональд, прячься! – шепнула Анна, указывая на шкаф. Она дала ему свой телефон, чтобы он не боялся темноты внутри, и Рон залез внутрь, оставив маленькую щелку, через которую следил за своей сестрой.

Отец тяжелыми шагами вошел в комнату, он с трудом стоял на ногах.

– Что за чертовщина?! – проговорил он невнятно.

– Дай мне минуту, пожалуйста, я все уберу, – сказала Анна, но он видно не слушал ее. Отец настойчиво направился в ее сторону и вдруг нанес удар по лицу своей дочери, она упала.

– Ненавижу вас! – вопил он.

Анна попыталась встать, но он снова ударил ее, и на этот раз она с грохотом ударилась о пол. Рон внезапно вскрикнул, но тут же закрыл рот ладонью. Тем не менее, отцу удалось услышать непонятный звук из шкафа. Он уставился на него дьявольскими глазами, и медленно начал приближаться. Рональд пролез глубже и спрятался за вещами, в надежде, что он не найдет его там. Внезапно тяжелые шаги за дверью стихли, все замерло: стоны Анны, плач соседского малыша из-за стены, крики детей за улицей, даже, казалось, сердцебиение самого Рона остановилось. Дверь шкафа резко открылась, и Рон снова испугался и снова неожиданно вскрикнул. Сквозь одежды, за которыми скрывался мальчик, протянулась рука и вытащила юного Рональда из его убежища.

– А вот и маленький засранец! – он кинул его к сестре, и она обняла его, пытаясь защитить собой.

Отец подошел к детям и яростно начал запинывать ногами обоих. Анна кричала, отбрыкивалась руками и ногами, пытаясь защитить брата, но тщетно. Рону доставалось не меньше

сестры: он сжался клубком, закрывая голову от шквала ударов, а отец все не останавливался. Казалось, в него вселился сам бес. Он беспощадно бил, не останавливался ни на секунду. Внезапно Анне удалось поцарапать его лицо и удары на какое-то время прекратились. Воспользовавшись этим, она откинула от себя брата, приняв оставшийся гнев отца на себя. И он с еще большей силой напал на нее. Рональд спрятался за диваном, прижав колени к груди. Вдруг телефон в его руке зазвонил: входящий вызов от мамы.

Рональд поднял глаза и обнаружил, что стоит около Брестской 33г. Возможно, там он найдет какую-то зацепку о местонахождении Савелия? Он рванул к подъезду, но вдруг остановился. Сердце его бешено заколотилось, на лбу выступили капли пота, дыхание участилось. Знакомый голос в голове спросил его: «Зачем ты это делаешь? Ты желаешь насолить отцу, или помочь матери? Ты ведь знаешь, что она мертва, так за чем же ты гоняешься? Анне помочь уже не удастся, она окончательно сошла с ума. Неужели ты до сих пор не простил и не отпустил отца? Он в прошлом, Рональд, оставь его. Что ты хочешь?»

– Заткнись! – выкрикнул он на всю улицу. Прохожие ошарашенно вылупились на него. Рональд почувствовал это и закрыл за собой дверь, отправившись на нужный этаж.

Дверь в квартиру была открыта. Медленно открыв ее, Рон тут же почувствовал жуткую вонь, что витала в воздухе. Прикрыв лицо рукой, он вошел в комнату, где еще недавно разговаривал с отцом. Посреди комнаты стоял стол, на котором лежали стеклянные бутылки, чашки, тарелки с различной закуской и несколько столовых приборов. А вокруг стола и под ним лежало несколько человек, включая отца Рона, видимо, уже не в сознании.

– Так будет даже проще, – сказал вслух Рональд и принялся обыскивать квартиру.

Единственное место, где могли храниться какие-то документы у отца – это шкаф, что располагался вдоль всей стены. Открыв нижний ящик, служивший, видимо, помойкой, Рон нашел там грязные тряпки, скопление всяких бутылок и огрызков овощей. Тошнота тут же подобралась к горлу, и он мигом закрыл этот шкафчик, отвернувшись в сторону окна. Рон открыл второй нижний ящик – тут лежали одни пустые стеклянные бутылки, от полутора литров до маленького пузырька из-под настойки. Следующий отсек – средний, самый большой, поскольку располагался от потолка до нижнего ящика. Там висели одежды отца, которые не стирали, видимо, несколько недель, и которые были чуть ли не старше самого Рона. Он помотал головой.

– Как он живет?..

Оставив верхние ящики, Рональд открыл второй средний шкафчик – там было несколько полок, а на полках лежало несколько стопок бумаг. Взяв одну, он принялся изучать документы. После двухчасовой возни с листками, Рон окончательно отчаялся: он ничего не нашел, что могло бы быть связано с Савелием, да и вообще с его семьей.

– Неужели он все уничтожил? – спросил он себя.

Рон взял последнюю стопку, как вдруг из-под бумаг выпало фото, на котором был он рядом с отцом и Анна на коленях у мамы. На фото все были счастливы. Тут же он вспомнил тот день.

Вспышка.

– Готово! – сказал Савелий, стоя за фотоаппаратом.

– Наконец-то, – пробурчал отец.

– Не хотите взглянуть на фото? – спросил дед.

– У меня дела, – сухо ответил отец и быстро ушел из дома.

Савелий даже не смотрел в его сторону. Казалось, он спрашивал всех, кроме него.

– Конечно хотим, – с улыбкой ответила Сара и подошла к нему.

Рон усмирив свое любопытство и просто пошел в свой уголок, а Анна уселась на диван. Выглядела она потерянно и тоскливо, что даже ее брату стало ее жалко. Савелий тут же заметил грустную внучку и, отдав фото Саре, сел рядом с девочкой.

– В чем дело, ангел? – спросил он ее. Мама непринужденно оставила деда с внуками, покинув комнату.

– Неважно, – обронила она. Голос ее почему-то дрожал.

– Тогда почему ты так печешься об этом? – спросил Савелий со своей доброй улыбкой. – Люди слишком большое значение предают мелочам, но не замечают самого главного, – дед раскинулся на весь диван. – Вчера ты был где-то там, завтра ты будешь где-то впереди, но где ты сейчас? Ты не будешь на это отвечать, потому что для тебя это не столь важно, сколько прошлое или будущее. Разве не так? И ты мечешься, стараешься сделать что-нибудь, чтобы в будущем ты была счастлива, обрела покой, но твое будущее уже сегодня, Анна. Сегодня ты можешь быть счастливой, сегодня ты можешь обрести внутренний покой. Как правило, люди не заглядывают дальше этих желаний, не знают, что последует за этим, потому и гонятся, бессмысленно пытаются догнать свой хвост. Поверь мне, чужие люди не стоят того, чтобы горевать по ним; таких просто нужно отпускать, с той теплотой и добротой какая была. И совсем неважно, что там впереди, и никакого смысла не имеет копание в прошлом – сегодня именно тот день, когда ты исправила свои ошибки, когда ты стала счастливой из твоих мечтаний о будущем.

Понимаешь, жизнь состоит из взлетов и падений. Возможно, сейчас ты падаешь, но скоро тебя ждет взлет, ну, а сейчас ты свободна. Свободна от своих мыслей, от своих мировоззрений, идущих из детства, от своей морали и принципов. Поистине завораживающие моменты. Видела ломанную, что показывает сердцебиение, когда человек в коме? Это и есть наша жизнь. И пока сердце бьется, ты будешь и взлетать, и падать, снова и снова. Наслаждайся этими моментами, потому что когда-нибудь они кончатся. – Анна посмотрела на Савелия – лицо ее было заплакано, она крепко обняла его.

Рональд посмотрел на них, будто вымаливающим взглядом, и дедушка позвал его к себе жестом. Мальчик тут же прильнул к ним, и они так просидели еще несколько минут. Рон почувствовал ту теплоту, что окутывала его в тот день. Он никогда ее не испытывал ранее. Да, впрочем, как и потом.

– Мне нужно кое-что сказать вам, – заговорил вдруг Савелий. – Я уезжаю.

– Далеко? – спросила Анна.

– Надолго? – почти одновременно спросил Рон.

– Далеко и надолго, – покачал головой дедушка. – Наверное, мы больше не увидимся с вами.

– Как же так? – затрепетала вдруг Аня. – Но ты же сказал, что будешь рядом... я не вынесу упреки отца.

– Что я только что сказал? – строгим голосом отвечал Савелий. – Взлеты и падения. Вас ждет великое будущее. Обоих. И вы справитесь со всем. Я знаю это.

– И ты даже не будешь навещать нас? – спросил Рон.

– Вряд ли это получится, юнга. Но помни, что бы ни случилось...

– ...шторм кончится.

Савелий улыбнулся, еще раз прижал внуков к себе и вышел на кухню к Саре. Анна с Рональдом тут же прижались ушами к двери.

– Все готово? – спросил он маму.

– Готово, – ответила она. Голос ее дрожал, что удивило ее детей. – Куда ты отправишься?

– Сергиев Дом...

– Что? – мама забыла про шепот. – Но не так же рано, Савелий! Ты еще в своем уме, ты можешь жить один.

– Я не могу, Сара, – тоскливо ответил дедушка, – я устал от этого. Михаил гробит мою жизнь, моих внуков.

– Ты не можешь бросить нас.

– Я сделал свое дело, моя программа выполнена. Твои дети будут счастливы, Сара.

– Но... – мама разрыдалась.

Сердце Рона упало в пятки. Он никогда не видел маму слабой, никогда не видел ее слез или грусти: она всегда была самой сильной, кого он знал. И тут этот сильный человек плачет.

Дверь в квартиру захлопнулась.

Рональд сидел на кресле рядом со столом, на котором лежали бутылки и закуски отца и рыдал. В горле его пересохло, он закрыл рот, чтобы не было слышно его крика, который так и рвался наружу. Успокоившись, он забрал фото и вышел из квартиры. На лестничной площадке по пути ему попались двое сотрудников полиции.

Придя домой, Рон, полностью обессиленный и потерянный, уселся за стол на кухне, не раздевшись. Женя готовила ужин.

– Ты поговорил с ним? – спросила она. Он помотал головой.

– А ты его нашел для начала? – переспросила Женя и уселась напротив него.

– Почему нас с Аней в детстве все бросали? – тихо сказал Рон дрожащим голосом. – Они все уходили от нас, а причиной всему был отец. Как же я его ненавижу... – он шептал едва слышно.

– Почему он?

– Он ненавидел всех нас и всей душой желал избавиться от нас. И все плясали под его дудку...

– Раз твой отец так желал этого, так почему же он просто не мог уйти? – спросила Женя. Рон недоуменно посмотрел на нее. По его глазам было видно, как на него обрушился новый шквал вопросов, на которых не было ответов. Зрачки его металась по лицу его возлюбленной.

– Он слабак, который вымещал свою ненависть на своих детях! – сдерживая вопль, сказал Рон. – Слабак, который не мог...

– Бросить семью? – перебила Женя.

– Он алкоголик!

– На пустом месте алкоголиками не становятся, Рональд. Ты должен разобраться во всем, что-то тут явно не ладно.

Рон снова уставился в глаза Жене. Она верила во что-то хорошее в его отце, она надеялась на то, что он был человеком. От этого глаза его почему-то залились слезами. Может, в глубине души и он тоже желал видеть в своем отце эти качества? Он отвернулся, прикрыв лицо рукой.

– Сергиев дом... – сказал Рон, немного погодя. – Слышала о таком?

– Это хоспис.

– Что? – озадаченно переспросил Рональд.

– За городом. Роскошное, кстати, заведение. А что в Сергиеве доме?

– Савелий... – прошептал квартирант.

– Савелий?! – громко переспросила Женя.

– Адрес, – лихорадочно сказал Рон. – Скажи мне адрес хосписа!

– Он.. э-э, – растерялась она, – поедешь вдоль восточного шоссе, прямо из города. У дороги стоит знак Сергиева дома, мимо не проедешь. У этого знака поедешь направо по проселочной дороге и упрешься в хоспис.

Рональд тут же выбежал из квартиры.

Дома, окна, люди, улицы – все переливалось за окном автобуса. Все они ходят по своим уже заданным маршрутам, их не интересуют жизни других, выгода других, чужое счастье. Они циничны, лживы и трусливы. Они боятся самих себя, боятся смотреть правде в глаза, бегут от самих себя и своих близких только из-за страха. Говорят, любовь меняет людей, но ничто так не меняет людей, как страх. Он сковывает, чарует, дарует им чувство жизни, но в то же время и пробуждает в них дрожащего сосунка, бегущего от этой самой жизни. А правда – лишь оружие страха.

Рон достал из внутреннего кармана то семейное фото. Его глаза не отрывались от улыбки Анны и Сары. Как бы он хотел вернуть те времена, исправить свое отношение к отцу. Может, в этом и было все дело? Тогда и Женя была права: он хотел лишь сохранить семью, быть счастливым, как и все. Но не так строят люди счастье. Не кнутом, уж точно.

Фото внезапно выпало из его рук. Рон потянулся за ним, как вдруг заметил запись на обратной стороне. На ней было следующее:

«Сынок. Мы все скорбим по твоей утрате. Я понимаю, каково это: потерять близкого тебе человека, но не стоит искать ответы на дне бутылки. Ты не добьешься этим ничего, поверь мне. И твои дети... не стоит их винить, особенно Рона. Он явно не хотел этого, он лишь защищал ее. Зачем ты так с ними, они ведь твоя душа, они все, что у тебя есть? Раз Сара ушла из жизни, подари им то тепло, которого не успел добавить при ней. Покажи им, что ты достойный отец».

Снизу также была приписка с заголовком:

«Насчет Рональда».

«Он не виноват, ты должен понять это, Михаил. Ты сам виноват в этом, ты снова потерялся и решил выпалить гнев на Саре. Рональд был уже достаточно взрослый и решил защитить свою мать. Не смей его ненавидеть за это. Единственный, кто виновен в ее смерти – ты сам».

Внизу также была подпись Савелия.

Конец второй части

Часть третья

Не надейся увидеть искру в отражении своих глаз в зеркале. Пламя уже догорело. Смирись с этим. Смирись и открывай свой шкаф. Твои маски уже запылились. Пора бы уже ее сменить.

Кто ты сегодня? Активный холерик? Или задумчивый флегматик? Скорее, понявший принявший и отпустивший смертный. Тебе не нужны типы темперамента, если ты и сам уже не помнишь, кто ты истинный, кто ты искренний.

Пепел, мне нужен пепел!

– Рональд! Рональд! – звучало где-то из-за угла.

Рон поднял голову. Это оказалось сделать труднее, чем он думал. Затем он заметил, что сидит в своей комнате у себя на кровати, закутавшись в одеяло. Он спустил его и увидел лицо Анны, торчащее из-за дверей.

– Рональд! Скорей, нужно идти, – сказала она и пропала из виду.

Что он здесь делает? Как он оказался здесь? Это не похоже на воспоминание, это самая настоящая реальность, только вот проблема в том, что ему здесь шестнадцать лет.

Рон вылез из-под одеяла. Ноги и руки его почему-то дрожали, а сердце бешено колотилось, что, казалось, даже мешало дыханию. Медленно он открыл дверь и увидел Анну, наблюдавшую за тем, как Сара говорит с Михаилом на кухне. Разговор их в очередной раз был на высшем закале эмоций и чувств. Рональду стало жутко страшно при виде разъяренного отца.

– Подойди, – сказала тихо Анна. Она стояла недалеко от них, буквально на их глазах, но они не замечали ее: уж слишком оживленная была беседа.

– Ближе, сынок, – раздался совершенно другой голос из уст сестры. Рон недоуменно посмотрел на нее, а она лишь взяла его за руку и прижала к себе. – В который раз они ссорятся. А все знаешь почему? Из-за Марты. Отец не видит ее, хотя и я тоже, но она есть. Иначе, с кем может разговаривать мать? Да уж... Сынок, может, ты кушать хочешь? – спросила она снова неузнаваемым голосом.

Рональд сжался от страха и недоумения. Происходило что-то совсем безумное. Он хотел сказать ей про то, что на кухне сейчас ссорятся родители, и покушать не удастся, но, увидев ее сверкающие глаза, забился в новой волне страха. Лихорадило в тот день его совершенно по-другому, не как раньше. И это его почему-то еще больше пугало. Все, что он смог сделать, это помотать головой. Его будто сковали по всем конечностям, и не дали возможности говорить, отрезав язык.

– Если он не видит Марту, это не значит, что ее не существует, – продолжала говорить своим голосом Анна. – Бога ведь мы тоже не видим, а он есть. Ты веришь в него, Рональд? – он с трудом покачал головой. – В этом вся сила веры. Если веришь, значит, это есть. Потому и Марта существует, если поверить в нее. Как бы я хотела познакомиться с ней... Она, говорит мама, часто проводит время с ней, общается, обсуждают жизни друг друга. С ней всегда есть о чем поговорить. Хотела бы я иметь такую подругу, – на лице ее появилась унылая улыбка, а затем она совершенно поменялась в лице, будто ее снова настиг инстинкт матери. – На самом деле они только и делают, что ссорятся. Сынок, а что если нам поиграть в игрушки? Мы ведь так мало времени проводим вместе, я хочу быть ближе к тебе, как-никак я твоя мать.

Рональда затрясло с еще большей силой. С новой волной его охватил поток горький эмоций и переживаний. Только на этот раз этой волне удалось сломать его.

– Мне шестнадцать! – заорал Рональд так, что даже отец обратил на него внимание. – И я не твой сын! Я твой брат, Анна! Родной брат! – на глазах его отразились слезы. Он повернулся к Саре. – Мама! Что здесь происходит?! Почему я здесь, почему я жив?! Если вы так ненавидите друг друга с отцом, почему вы еще вместе? Я раньше думал, что если вырасту,

то пойму вас, но нет! Вы просто грызетесь, как собака с кошкой, только вот кошка – отец! А ты, алкоголик, что ты можешь?! Что вообще происходит между вами? Когда закончится этот кошмар в этой квартире?! – он вопил на весь дом. И уже не чувствовал страха – в сердце его раскрылся его внутренний демон, который питался всем происходящим очень долгое время. И теперь он на свободе.

– Как ты с отцом разговариваешь?! – грозно спросил его Михаил и медленно зашагал в его сторону.

– Я ненавижу тебя! – крикнул Рональд, бросил руку Анны и рванул в сторону кухонного шкафчика. Через пару мгновений в его руке сверкал нож.

– Тише, мальчик, тише, – заговорила снова сестра не своим голосом. – Не стоит так горячиться.

– Ты из ума вышла, сестрица! А ты, – он направил свое орудие на Михаила, – ты получишь по заслугам. За все страдания! – Рональд бросился рывком на отца, закрыв глаза. А когда он открыл их, то увидел, что оказался на коленях матери, руки его держали рукоять огромного ножа, торчащего из груди захлебывающейся кровью матери. Рон оглянулся безумными глазами: Михаил стоял в сторонке, видимо, отошедший от его удара; Анна ошеломленно глядела на него. Руки Рональда были все в крови, как и рубашка, как и душа.

Рональд резко дернулся, когда очнулся и пришел в себя. Он находился в приемной Сергиева дома, в руке его была чашка с кофе, а на часах доходило до пяти вечера. Внезапно ужасный голод ударил в его живот, он тут же вспомнил, что не ел весь день. Также Рон заметил, что его глаза и щеки почему-то были влажными, но он не придавал этому особого значения.

– Пройдемте, – сказала милая женщина в халате, возникшая перед ним из ниоткуда. – Я отведу вас к Савелию.

Тут же он вспомнил, зачем пришел сюда.

Они остановились у двери в комнату.

– Должна вас предупредить, – заговорила девушка, – он не в своем уме.

– В каком смысле? – нахмурил брови Рон.

– Он несет, простите, несуразную чушь. Но он безобиден.

Рональд еще больше нахмурился.

– Вы еще хотите его видеть? – спросила женщина.

– Несомненно, – твердо ответил он.

Рон медленно зашел в комнату. На кровати сидел исхудалый, лысый старик, смотрящий в окно. Девушка оставила мужчин наедине.

– Дедушка... – Рональд неуверенно зашагал к нему. Савелий что-то непонятно нашептывал. Юноша присел напротив него и заглянул в его стеклянные глаза. Они были неузнаваемы. Внезапно Савелий дернулся и хриплым не своим голосом заговорил:

– Внучек! Давно не виделись, – лицо его расплылось в улыбке. – Помнится мне, мы разошлись давно, не общались. А здесь хорошо, уютно, тепло, кормят вкусно. Может, ты останешься? Мне так не хватает вас с Анной. Как она, кстати? Выздоровела? Последняя новость о ней не радует. Но она справится, я знаю. Она всегда справлялась.

– Дедушка, я хотел спросить, – заговорил Рональд.

– Спрашивай, внучек, спрашивай.

– Я не знаю, что мне делать. Я забылся. Забыл все, что было. А ответы находятся именно там, в памяти.

– Люди бросаются в болото ненависти, тоски и печали, когда ищут смысл жизни, – отвечал Савелий. – Совершают ошибки, пытаются его найти, но не могут. А когда поиски заканчиваются, тогда и смысл находится, Рональд. Также и с ответами. Начнешь их искать – они будут уходить от тебя. Подумай, как ты тратишь свое время. Быть может, тебе нужно просто передохнуть, посидеть, поразмышлять? Такая короткая жизнь, и так много событий переносит...

Кто-то остается в истории, в памяти политиков, кто-то в памяти внуков, а кому-то все равно на мировое влияние и стереотипы – такие люди самые счастливые. Их не грузит чувство того, что им нужно как-то выделиться, оставить какой-то след в мире. Они живут для себя.

Ты не замечал, как люди ограничены, Рональд? И все мнимо гоняются за значимостью, за самоутверждением, за счастьем. Ведь если я счастлив, значит, моя жизнь удалась, ведь так? Как не прискорбно, все кончается. Время линейно, а потому все бессмысленно. Думаешь, ты оригинально мыслишь? Ты лишь повторяешь те же выводы, к которым пришли еще задолго до тебя. Думаешь, ты тот человек, который откроет миру все его стороны? Увы, все открыто до тебя. Мы родились в тот век, когда атеизм набирает популярность, когда человек перестал верить в свои идеалы, когда человек способен строить свою жизнь по-новому, но этот человек это все отрицает, а знаешь почему? Страх. Страх перед новым. Потому эволюция такая монотонная.

Савелий замолк, уставившись снова в пол и перебирая пальцы.

– Уверен ли ты в своей реальности, Рональд? – заговорил он свежим голосом. – Уверен ли ты в том, что все, что тебя окружает – реально? Может, и не существует вовсе ни меня, ни тех историй и книг, что ты читал, и друзей твоих. Как ты определишь, что это реально, что это происходит именно сейчас? И среди всех людей нет тех, которые смогут доказать это. Каждый смотрит на все своими глазами, и у каждого своя реальность. Это превосходно! – его глаза загорелись. – Только вот есть и обратная сторона. Это лишь твоя реальность, и также понять ее, также просочиться ею, как и ты, никто не сможет. Ты одинок. Одинок во всей вселенной. Одинок не как популяция, а как личность. Как человек, который просто хочет идти своей дорогой.

Савелий снова замолчал. Его веки опустились.

– Дедушка, – шептал Рональд. По его щекам почему-то катились слезы. – А родители... почему они так ненавидели друг друга?

Но старичок лишь медленно опустился на кровать и уснул сном младенца. Рон тяжело вздохнул, затем выдохнул и вышел из Сергиева дома.

В полном смятении он отправился домой.

Ночью Рональду не спалось. Один лишь вид Савелия не вылезал из его головы. А то, что он говорил... как это вообще понимать? Хотя, что взять с обезумевшего старика... Люди проживают жизнь, не замечая мелких деталей вокруг, в которых как раз кроется то, что они ищут. Точно. Савелий до сих пор влияет на него не меньше прежнего.

Рон встал и вышел на кухню, оставив Женю одну в комнате. Налив себе кружку чая, он уселся за стол и взялся за газету. На первой же странице было нарисовано горящее здание и подзаголовок: «Лечебница в огне психопата». Удрученно помотав головой, Рональд перелистнул страницу – «Пострадавшие в огне психлечебницы будут перевезены в областную больницу». Следующая страница – «Психлечебница „Фенечка“ закрывается на восстановление здания».

– Повсюду эта проклятая лечебница! – пробормотал Рон, бросив газету в урну.

Допив чашку чая, Рональд собрался вернуться в кровать, как вдруг заметил дневник Анны на подоконнике. Новая волна любопытства овладела им, хотя он уже был уверен, что изучил в нем все, что ему было необходимо. Взяв тетрадь, Рон открыл ее на первой странице, на которой, как ему показалось, он еще не бывал.

19 Ноября 1989 года

Вау! Они привели нового малыша. Моего братика. Мама такая счастливая! Я так рада, так рада! Я смогу почувствовать себя старшей сестрой. Я БУДУ старшей сестрой! Наверное, каждая девочка хотела бы ощутить это. Это превосходно! А папа! Видела бы ты его сейчас.

Он никогда не смотрел такими глазами ни на мать, ни на меня, как на этого малыша. Мне еще не сказали, как его назвали, но он просто ангелок! Такие маленькие ручки, голова, ножки... Ну, все, я побежала, мама зовет посидеть с малышом. Я так счастлива, так счастлива!

25 Декабря 1989 года

Папа злой ходит уже который день. Мне не нравится это, ведь скоро новый год. Как он собрался праздновать с нами с таким настроением? Он может испортить нам с мамой весь праздник.

26 Декабря 1989 года

Сегодня слышала, как мама разговаривала с Роном в ванной. И знаешь, это не было похоже на диалог между матерью и грудным сыном. Ей кто-то отвечал, это я уверенно могу сказать. Мне стало страшно.

Дальше лишь вырванные страницы. Вот она еще одна зацепка, которая приведет Рональда к какому-то заключению. Как он мог так облажаться с дневником, пропустив первые страницы?!

– Черт! – вырвалось у него изо рта. Голос его разнесся эхом по всей квартире, а потому он убрал дневник на место и поспешил на кровать, чтобы не разбудить Женю.

До утра он уснуть не смог.

Рон быстро шел по улице, иногда сменяя шагом бег. Солнце уже давно забрело за зенит, снег хрустел под ногами, ледяной ветер пробивал куртку насквозь. Ужасно холодный день: мороз так и грозился нанести увечья коже лица. Рональд то останавливался, будто пытался вспомнить что-то, то начинал бежать, словно его кто-то ждал впереди. Безумие охватило его. Безумие и отчаяние, которое овладевает человека, когда он стоит у грани. А впереди – лишь тьма. Тьма и безрадостность.

Обгоняя дневную метель в воздухе, Рональд забежал в подъезд дома на Брестской 33г. Лестничная площадка показалась ему еще более грязной и неубранной, чем вчера. Этот смрад так и слезоточил глаза. Зеленые шприцы и капли крови рядом вызвали отвращение у Рона. Отведя взгляд, он увидел разбитые стекла бутылки под батареей, а вокруг – расписанные стены. Рон поторопился на нужный этаж, стараясь не поднимать глаза и не замечать следы «отдыха» местных подростков.

Тяжелый кулак Рональда опустился на закрытую дверь квартиры отца. Ничего. Еще сильнее прозвучали следующие три удара. Послышались недовольные хрипы за стеной. Еще три удара, еще громче и грознее.

– Пошли вон отсюда! – послышалось из соседской квартиры.

Рон не слышал этого. В его глазах горел первозданный хаос и азарт жажды мести. Он холодно колотился в дверь, пытаясь пробить деревянное препятствие. Неожиданно послышался щелчок, дверь открылась. Рональд прошел в квартиру. Все также грязно и не убрано, как и было вчера. Только сегодня здесь был один полупьяный отец, который сидел у себя в комнате и похмелялся.

Рональд встал напротив него и посмотрел прямо в его ставшие давно чужими глаза. Вдруг в этих глазах появились огоньки страха и отчаяния. Старик почувствовал себя маленьким мальчиком, которого обидел старший брат. Рон продолжал всматриваться в его зрачки, которые дрожали от страха. Ледяной и безжалостный взгляд сына парализовал отца, и по спине его побежал холодок. Старик ощутил всю вину и весь ужас, который привнес в жизнь Рональда. Неимоверной волной боли обволокло его сердце, и по его щеке потекла одинокая слеза.

– Почему, отец? – сквозь зубы зверским голосом спросил Рон.

– Что? – прошептал дрожащим голосом старик.

– Почему ты ненавидел мою мать?

– Ты не знаешь всего, Рональд.

– Так расскажи мне! – в порыве ярости он перевернул стол, разбросав все, что было на нем.

Старик всю дрожал перед ним. Кто бы мог подумать, что отец испугается собственного сына, которого он избивал в прошлом?

– Сара... – шептал он. – Она была... больна...

– О чем ты говоришь? – нахмутив брови, спрашивал Рональд.

Михаил судорожно замотал головой.

– Нет! Нет, нет, нет, нет, нет. НЕТ! – завопил он на всю квартиру и принялся рвать волосы на голове. Внезапно старик подпрыгнул и начал метаться по квартире, словно в него вселился бес. Бросившись вперед, на Рональда, он схватился за его шиворот и попытался его поднять и выбросить из квартиры, но тщетно. Тогда он начал бить себя по лицу, приговаривая:

– Ты виноват! Ты виноват! Только ты! Сгинь, умри, исчезни!

Потеряв равновесие от последнего удара, Михали приземлился на диван и снова забылся на время.

– Папа? – спросил тихо Рон.

Вдруг старик снова подпрыгнул и рванул к выходу из комнаты. Со всего разгона он ударился о дверной косяк и рухнул на пол, застонав от боли, и он, как показалось Рону, пришел в себя.

– Чем была больна моя мама, Михаил? – спросил сын отца.

– Шизофрения, – отвечал старик хриплым голосом. – Врожденная. Она не проявлялась до твоего рождения.

Глаза Рона загорелись неистовым пламенем.

– Пойми, – продолжал говорить старик, – я не хотел этого для своих детей. Я всю жизнь мечтал о здоровых наследниках! Но ее болезнь передавалась уже которое поколение, вам было не избежать этого!

– Мы с Анной... – затрепетал Рональд. – Мы больны...

– У Анны это проявилось еще в малом возрасте. Это зашло слишком далеко, я не мог больше на это смотреть. Еще смерть Сары. Она просила называть ее Мартой... я отправил твою сестру в лечебницу, а тебя...

– Бросил, – перебил его юноша.

– Я не хотел этого, Рональд... не хотел. Пойми! Не хотел! – умоляюще твердил Михаил, но Рон уже, казалось, не слышал.

– Как это было у Анны? – спросил он через некоторое время.

– Что?

– Симптомы, Михаил! Как они проявлялись?!

– Это было давно... Я смутно... я не помню.

– Что ты можешь? – сквозь зубы спросил Рональд, медленно встал и ушел из квартиры.

– Где-то там, за горизонтом, есть место счастью, нет места суете, – говорил какой-то старик в переходе. – Где-то там, за горизонтом, нет места войне, есть место быть единого целого частью. Где-то там, за горизонтом, нет обмана и фальши, есть любовь и доверие, есть проблески надежды, и нет места лицемерию и алчности. Где-то там, за горизонтом ваших страхов и сомнений...

Январь к концу подходит. Снег безумной околесицей крутится вокруг. Холодно снаружи и жарко внутри. И там же словно все опустело, словно вышвырнули все содержимое, что когда-то казалось прекрасным и неисчерпаемым. Но что-то греет внутри. Что-то, что заставляет жить и двигаться.

Быть может, это любовь?

Погасла она давно, вместе с утерянными детскими мечтами.

А ведь когда-то мы были так счастливы... для этого не нужно было практически ничего. Все мы «разочаровались» в жизни. Все мы достаточно мудры и достаточно прожили, чтобы судить так и ничего больше не делать.

Мы смирились.

Рональд пришел к лечебнице.

– «Фенечка», – сказал он вслух, глядя на вход.

Перекрытые лентой стеклянные двери смотрели на него, как на родного. И сам Рон чувствовал что-то одновременно родное и враждебное в этих дверях. Словно они скрывают что-то сокровенное от него. А за ними лишь чернота сажи, оставшаяся после пожара. Рональд шумно сглотнул. Всю жизнь он что-то искал, и вот теперь он стоит прямо перед дверьми, за которыми находится как раз то, что он ищет. Но все это сгорело. Все потеряно, разбито, засрамлено. Поднялся холодный ветер. Казалось, он дул сквозь Рональда, оставляя тысячи игл и тысячи заноз в его сердце. Прозрачный пар изо рта окутывал глаза. Лицо сжималось от холода. Земля под ногами куда-то начала пропадать.

– Нужно уходить, – подумал Рональд. – Иначе меня занесет в эту безвыходную пучину преследуемого бедствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.